

ВАРИАТИВНОСТЬ НА УРОВНЕ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

VARIATION IN THE VERB FORMATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Елена Ивановна Колосова

Резюме: В русском языке отмечается большое количество параллельных форм на уровне глагольного формообразования, что создает определенные трудности при коммуникации. К сожалению, проблема вариативности в русском литературном языке на уровне глагольного формообразования остается до сих пор мало изученной, несмотря на пристальное внимание ученых к исследованию категории глагола в целом. В прошлом языка таких параллелей было значительно больше, на современном этапе еще имеются следы колебания в выборе той или иной формы у глаголов, поэтому проблема вариативности до сих пор остается актуальной. Однако нет четких рекомендаций относительно правильного употребления подобных вариантных форм в речи, что, несомненно, создает определенные сложности при обучении русскому языку. Детальное изучение каждого типа глагольной вариативности в истории языка даст возможность наметить перспективы развития данного явления и поможет создать общие методические рекомендации по употреблению в речи данных форм. Данная статья посвящена рассмотрению двояких параллелей у глаголов на современном этапе развития русского языка, это прежде всего формы настоящего времени у глаголов на –ать (каплет и капает, машет и махает и под.); вариантные образования форм прошедшего времени у глаголов с суффиксом -ну- (мокнул и мок, сохнул и сох и проч.) и др. В практике преподавания русского языка как иностранного необходимо сделать акцент на использование данных параллелей в речи, сопроводить подачу языкового материала доступным историческим комментарием, дать рекомендации относительно употребления таких форм в соответствии со стилистической и семантической их дифференциацией в языке. Общим для всех представленных образований, на наш взгляд, является это своеобразное колебание, отклонение от нормы с точки зрения современного литературного языка.

Ключевые слова: русский язык, формообразование глаголов, грамматическая синонимия, литературная норма, коммуникация.

Abstract: The Russian language is characterized by a big number of parallel forms at the level of verb formation which can be the reason for a lot of problems when communicating. At the same time the problem of variability in the Russian literary language at the level the verb formation hasn't yet been studied thoroughly in spite of the careful attention paid to the verb category research by scientists. In the past there were more parallels of this kind and modern period of the development is still marked by some variations in choosing the verb form. This means that the problem of variation is still a topical problem of the linguistics. However there are not strict rules for the usage of these variations of the verb forms and it can lead to some problems when teaching the Russian language. Detailed study of each type of the variation in the history of the language gives an opportunity to propose perspectives of the phenomena development and will help to create general rules for the forms usage. The following article studies double parallels the verb forms have at the modern stage of the Russian language development. First of all these are verb forms of the present tense ending in –ать (for example каплет и капает, машет и махает etc); variative forms of the past tenses in verbs with suffix -ну- (for example мокнул и мок etc) and the others. When teaching Russian as a foreign language one should pay attention to the usage of these parallel forms in the speech, accompany the teaching with available historic comments; give recommendations about the usage of these forms in accordance with their stylistic and semantic differentiation in the language. We consider this deviation from the norms of the modern language to be the common feature of all forms.

Key words: Russian language, verb formation, grammatical synonymy, literary norm, communication.

Наше внимание привлекло обилие параллельных форм на уровне глагольного формообразования. На современном этапе развития языка обнаружены двоякие параллели у ряда глаголов на –ать (каплет и капает, машет и махает и под.); отмечается вариантное образование форм прошедшего времени у глаголов с суффиксом -ну- (мокнул и мок, сохнул и сох и проч.); на уровне образования повелительного наклонения также

имеются параллели (выкини – выкинь, уведоми – уведошь и др.). Особого типа параллелизм отмечен в использовании форм глаголов с аффиксом –ся и без него при совпадении исходного значения глаголов: сыпать – сыпаться, решить – решиться и под. Общим для всех представленных образований, на наш взгляд, является это своеобразное колебание, отклонение от нормы с точки зрения современного литературного языка. К сожалению, проблема вариантности в русском литературном языке на уровне глагольного формообразования остается до сих пор мало изученной, несмотря на пристальное внимание ученых к исследованию категории глагола в целом [см. раб. Н. Некрасова, А. И. Соболевского, С. П. Обнорского, А. А. Шахматова, С. П. Лопушанской, В. В. Колесова и др.]. «Однако это-то колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвиста... – писал Л. В. Щерба. – Здесь мы присутствуем при эволюции языка» (Щерба, 1958, 35). В прошлом языка таких параллелей было значительно больше, на современном этапе еще имеются следы колебания в выборе той или иной формы у глаголов, поэтому проблема вариативности до сих пор остается актуальной. Однако нет четких рекомендаций относительно правильного употребления подобных вариантных форм в речи, что, несомненно, создает определенные сложности при обучении русскому языку. На наш взгляд, детальное изучение каждого типа глагольной вариативности в истории языка даст возможность наметить перспективы развития данного явления и поможет создать общие методические рекомендации по употреблению в речи данных форм.

Грамотное использования богатого разнообразия глагольных форм является до сих пор одним из спорных моментов даже для носителя языка. Тем большие трудности испытывает преподаватель русского языка как иностранного, поскольку в самом языковом узусе не отработана единая модель использования форм при коммуникации. Языковая стихия в определенный период своего поступательного движения от непродуктивного к продуктивному способу образования форм создала на уровне глагольного формообразования избыточные парадигмы настоящего времени с двойным, а порой и тройным набором форм, например, у глаголов на ать: *жаждет - жаждает; ичет - икает, машет - махает; сыплет - сыпает - сыпет* и др. Стадия вариативности охватила всю историю языка, объединив разные временные пласты – от XI до XX века.

Так, на современном этапе языка двойное выражение значений настоящего времени у отдельных глаголов на -ать фиксируется как нечто устоявшееся, полностью оформленное. Ученые-современники [Истрина Е. С., Горбачевич К. С., Граудина Л. К. и др.] только фиксируют наличие двух вариантов, пользуясь фактическим материалом, поставляемым современным русским языком, не обращаясь к истории развития форм. Это приводит к определенным трудностям, возникающим при объяснении существующей синонимии с позиций синхронического описания русского языка, так как современный язык унаследовал уже сложившуюся систему глагольных форм из прошлого, в том числе и двойное выражение значений настоящего времени. Сложность в изучении подобных явлений заключается, прежде всего, по замечанию В. М. Маркова, «...в неоправданном противопоставлении так называемой «синхронии» и «диахронии»...» (Марков, 1977, 119), существующем в современной науке, т. е. в отрыве прошлого языка от его настоящего. Таким образом, при исследовании подобного рода явлений основополагающим должен быть принцип историчности. Явление синонимии у глаголов на –ать, являющееся объектом изучения в данной работе, рассматривается с позиций диахронии.

В процессе работы по изучению явления грамматической синонимии форм выявлены не только общие, но и частные причины становления синонимии данного типа у отдельных глаголов. Отмечено, что в процесс образования двойных форм были вовлечены и исконно продуктивные по способу образования форм глаголы по аналогии с группой непродуктивных, у которых на определенном этапе развития фиксируется грамматическая синонимия форм типа двигать - *движет* и *двигает*, глотать - *гложет* и *глодает*. Это следующие глаголы: глотать - с исконно продуктивной формой *глотаю*, рыкать - с традиционной формой *рыкаю*, курлыкать - с начальной формой *курлыкаю*, и все они выработали параллельные формы по образцу непродуктивного класса: глотать - *глочу*, рыкать - *рычу*, курлыкать - *курлычу*.

Например, история глагола курлыкать иллюстрирует двусторонний характер взаимодействия, а не одностороннее воздействие одних форм на другие, как утверждают некоторые исследователи. И то, что обе формы *курлыкаю* и *курлычу* употребляются долгое время как адекватные для обозначения журавлиного крика, указывает на наличие у глагола грамматической синонимии как следствия воздействия глагольных классов друг на друга – продуктивного на непродуктивный, и наоборот. Важно и то, что процесс возникновения параллельной формы (в данном случае непродуктивной формы - *курлычу*) прошел по аналогии с имеющимися глаголами типа: капать, мурлыкать и др., у которых «самое наличие двух вариантов» на современном этапе воспринимается как норма (Истрина, 1948, 8). Можно сделать вывод о необычайной «живости» процесса устранения чередований в глагольных основах, о его незавершенности, так как на протяжении длительного времени (XVIII - XX века) он действует в языке, вовлекая все новые глаголы. Следовательно, можно утверждать, что это своеобразная модель поведения, типичный путь развития для данных глаголов. И вовлечение продуктивных глаголов в этот процесс неизбежно, потому что действие его в языке еще не завершено и нет однозначного решения проблемы: только продуктивный способ образования личных форм глагола или же взаимодействие продуктивного и непродуктивного. Это, как было отмечено, свидетельствует о двустороннем характере действия процесса грамматической аналогии: выравнивание основ происходит как по продуктивному (лобзать, хапать, икать и др.), так и по непродуктивному классу глаголов (глотать, брехать и др.) в процессе языкового развития.

Обнаружить момент появления грамматической синонимии помогло диахроническое описание, в то время как синхронические срезы разных временных плоскостей дали возможность сопоставить развитие параллельных форм на определенных этапах языкового развития. Таким образом, предстала картина существования грамматической синонимии, вызванная не только общими, но и частными причинами, связанными с историей развития отдельных глаголов. Речь идет о наличии в языке глаголов, близких или идентичных по значению, но имеющих разное фонетическое оформление (жаждать – жажать – жадать, лакать – локать и др.). В данном случае непродуктивный глагол пользуется уже имеющейся в языке формой от близкозначного и близкозвучного глагола, а не создает новую форму по аналогии. Таким образом, язык как бы подключает к процессу все внутренние резервы, происходит своеобразная экономия аналитических потенций языка, языковая стихия приспособливает «старое» к «новым» условиям.

В противовес общей тенденции к унификации морфологических основ в парадигмах настоящего и прошедшего времени глаголов (типа капать - каплет - капал капает, махать -

машет - махал махает и др.) выработала тенденцию к дифференциации появившихся личных форм глагола. Сформировавшиеся пары форм настоящего времени глаголов типа *алчет - алкает, брызжет - брызгает* и др. были вовлечены в общий процесс дифференциации. Использование форм настоящего времени глаголов на -ать к концу XVIII века стало четко дифференцироваться. Именно в это время словари фиксируют первую попытку грамматистов устранить грамматическую синонимию форм настоящего времени из языка путем выбора либо сферы употребления для одной из форм, либо степени сочетаемости, либо исключением одной формы из активного употребления, которое провоцирует полную утрату этой формы в дальнейшем (как правило, последний способ характерен для глаголов, имеющих единственное значение: *икать, хромать* и др.). Следует подчеркнуть, что способы дифференциации появившихся параллельных глагольных форм настоящего времени четко соотносятся с типичными для всех синонимов.

Установлено, что причины возникновения грамматической синонимии общие для всех глаголов, а механизм выработки «второй» формы у глаголов различен. Так, относительно появления продуктивной формы у глагола *хромать* у С. П. Обнорского можно найти следующий комментарий: «Глагол *хромать* в старшую пору флектировался в виде *храмати, храмлю*, но кратная форма *хръмноути* привела к новому образованию *хромать*, откуда *хромаю*». Таким образом, существование двойного состава форм объясняется «скрещением исконно разных в видовом отношении глаголов». В рамках данного исследования важно то, что появившиеся «новые» формы полностью вытеснили из языка «старые», хотя на определенном этапе обе формы использовались носителями языка как равноценные. Сравните: *Словарь русского языка XI-XVII вв.: Икати, икаю - ичу: Аще человекъ ичетъ, то копустный кочень середка изгрысти.* (П. Отреч. II, 425 XVII в.); *Словарь Академии Российской 1792 г.: Локаю - Лочу. Говоря о некоторых животных: пью что, вбирая языком. Собака локаеть, лочеть.; Вл. Даль (1822 г.): Хромать - ковылять, припадать на одну ногу. Лошадь хромаеть или храмлетъ на закованную ногу.* и проч.

Устранение синонимии, как известно, процесс длительный и неравномерный. Можно отметить соединение разных путей для достижения окончательного результата: избавления от двойного состава форм. Глаголы в процессе своего развития могут пройти стадию как стилистического, так и семантического размежевания форм, в конечном счете, важно только то, что даст положительный результат. Следует учитывать то, что дифференциация по значению обычно определяется «внутренней необходимостью», самой семантикой. Важно помнить, что одним из классифицирующих понятий синонимов является не только близость (или идентичность) значений, но функционирование их в языке связывается именно с дифференцирующими оттенками в значении.

Одним из самых ярких примеров, демонстрирующих семантическое разграничение параллельных форм, является история глагола *брызгать*. Первоначально глагол звукоподражательный, подобно глаголу *прыскать* – это отмечает М. Фасмер. А. Г. Преображенский сравнивает его с глаголами: *чихать, кашлять*, также звукоподражательными. Глагол отмечен в *Словаре русского языка XI-XVII веков*, а в *Словаре древнерусского языка XI- XIV веков* он еще не зафиксирован, что означает достаточно позднее появление самого глагола. Судя по словарным статьям, глагол *брызгать* появляется в период примерно с XVI по XVII век. Сравните, *Словарь русского языка XI-XVII вв.: брызгати. Брызгать. А противъ всякого мѣста сдѣлано по фонтань, изъ которыхъ въ тѣ мѣста брызжетъ вода.* (Дн. А. Толстого. 328. 1697 г.). Используемая форма настоящего времени *брызжет* свидетельствует о том, что глагол до конца XVII века представлен в

языке как непродуктивный. На фоне общего процесса выравнивания основ в парадигмах настоящего и прошедшего времени глагол вырабатывает вторую параллельную форму. Авторы Словаря Академии Российской 1789 г. фиксируют не только «новую» форму – *брызгаю*. По-видимому, в это время формы используются параллельно. Словарь русского языка XVIII века тоже не разграничивает их употребление в зависимости от оттенков семантики.

Очевидно, за этот период (конец XVIII века - XIX век) происходит размежевание форм. За формой *брызгает* закрепляется узкое, конкретное значение ‘опрыскивать, окроплять какой-либо жидкостью’: От них [ребят] проходу нет... через забор на прохожих водой брызгают. /А. Островский. Шутники/; Также - *брызгает* белье, *побрызгает* волосы духами. Вероятно, продуктивная форма стала чаще употребляться при прямых значениях глагола, а «старая» непродуктивная *брызжет* перетягивает на себя новое значение: в образном, переносном употреблении только *брызжет*: Ядовитость и ирония так и брызжут в каждом его слове. /Салтыков-Щедрин. Господа ташкенцы/. Итак, в сфере литературного языка основной причиной устранения грамматической синонимии все же явилась семантическая дифференциация форм. Это подтверждается рядом словарей современного русского языка, т.е. можно утверждать, что к концу XX века у глагола брызгать параллельные формы четко разграничены, что создает возможность устранения грамматической синонимии. Таким образом, изучение исторического прошлого глагола брызгать подтверждает предположение о семантическом размежевании его параллельных форм. Обращение к данным истории языка позволило установить время появления и самого глагола (XVI-XVII вв.), и становления грамматической синонимии (XVIII в.), и начала процесса дифференциации форм (конец XIX в.).

Дифференциация параллельных форм по семантике оказалась вполне достаточной для некоторых глаголов (см. *клепать*, *двигать*, *метать* и др.) при устранении нежелательного удвоенного состава грамматических форм. Как правило, все эти глаголы имели не одно значение, что создавало прекрасные условия для семантической дифференциации форм между глагольными значениями. Именно эти глаголы, на наш взгляд, могут быть рекомендованы слушателям в процессе обучения русскому языку как иностранному в рамках установления лексической валентности.

Подобные параллели в истории русского языка отмечены у глаголов на –нуть, имеющих вариантное образование форм прошедшего времени типа *вымокнуть*, *гаснуть*, *киснуть* др. При существовании значительного количества глаголов на –нуть в современном русском языке перечни вариантных форм по мнению современных исследователей языка (Л. К. Граудина, Л. П. Катлинская, К. С. Горбачевич) насчитывают немногим более 100 глаголов: это бесприставочные глаголы типа *блекнул* – *блек*, *гаснул* – *гас*; глаголы, не употребляющиеся без приставок, типа *ввергнул* – *вверг*, *воздвигнул* – *воздвиг* и приставочные глаголы *вымокнул* – *вымок*, *вникнул* – *вник* под. При этом колебание чаще всего отмечается в формах муж. р.ед. ч.: *гаснул*, но *гасла*, *гасло*, *гасли*; *гибнул*, но *гибла*, *гибло*, *гибли*.

Ср.: *гаснуть*: *гас* и *гаснул*. Ср.: у Гоголя: *в нем не угаснул пыл души* (Портрет) и *...как только энтузиазм средних веков угас* (Об архитектуре нынешнего времени), у Пушкина: *Минувших дней погаснули мечтанья* (Элегия, 1816) и *...Я думал, что любовь погасла навсегда* (Элегия); у Лермонтова: *Прохладный гаснул день при День гас* (Сон и исповедь) и др.

-никнуть: *поникнул* и *поник*. Ср.: у Пушкина: *Поникнул витязь головою* (Руслан и Людмила) и *Могучий Олег головою поник* (Песнь о вещем Олеге); *проникнуть* и *проник*. Ср.: у Грибоедова: *я проникнул в тот покой, где были усопшие...* и *О если б кто в людей проник* (Горе от ума); у Пушкина: *Во все пределы Иудеи Проникнул трепет* (Юдифь) и *Но взор опасный, Враждебный взор – его проник* (Полтава), у Гоголя только суффиксальное образование: *угрюм колдун, поникнул головою* (Страшная месть), *необыкновенно странное чувство его проникнуло* (Мертвые души II), у Лермонтова: *я проникнул этот замысел* (Странный человек).

Рекомендации относительно употребления вариантных форм очень разнообразны и противоречивы. Исследователи, отмечая превалирование на современном этапе форм без -ну-, признают, что в отдельных случаях предпочтение отдается суффиксальным вариантам. Например, Л. К. Граудина (Граудина, 1976, 213) подчеркивает, что односложные приставочные формы глаголов до сих пор находятся в активной фазе вариантности: *Он ужасно пахнул водкой* (Т. П. Пассек, Из дальних лет); *А мир творился в мелочах И агрономам слал декреты. Пока цветок над пеплом чах, Пока играли гаммы где-то* (Н. Ушаков, А мир творился). Исследователь считает, что варьирование внутри этой группы проходит со средней степенью интенсивности, она отмечает постепенность процесса замещения одних вариантов другими. И хотя нормативными, по ее мнению, являются бессуффиксальные образования: *Иссякла сила духа, что взрастила Плеяду светлых гениев земли* (Л. Сурков, Я пою ненависть); *Мама, мама, мы в своей отчизне, но в ее пределы вторгся враг* (М. Алигор, твоя победа), она допускает конкуренцию среди приставочных форм типа *сох – сохнул* и приставочных типа *промок – промокнул*.

По мнению К. С. Горбачевича (Горбачевич, 1971, 56), нормой является употребление с -ну- в формах муж. р.: *гибнул* (а не *гиб*), но в то же время он отмечает варьирование форм с пометами о частотности их употребления: *гаснул* (реже *гас*), *виснул* (реже *вис*), *глохнул* (реже *глох*) и т.п. Например: *Совсем еще недавно свет в них (окнах) гаснул едва ли не раньше, чем в других избах* (Залыгин, На Иртыше); *Цвет казачий покинул курени и гибнул там в смерти, во вшах, в ужасе* (М. Шолохов, Тихий Дон); *Никто не виснул у него на руках* (Федин, Первые радости).

В большинстве словарей предпочтение отдается бессуффиксальным формам, например, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова для самых употребительных глаголов этой группы рекомендуются краткие варианты: *гас, глох, зяб, мерз* и под. Всевозможные словари «правильностей» речи, приводя вариантные формы, отмечают, что формы с -ну- устаревают и употребляются реже. В некоторых современных словарях в качестве нормы указываются оба варианта, например, в Большом академическом словаре приводятся: *вяз – вязнул, вязла – вязнула, вязло – вязнуло; сох – сохнул, сохла – сохнула, сохло – сохнуло* и т.д.

При обращении к историческому прошлому языка можно обнаружить преобладание форм на -ну- у глаголов этой группы. Акад. С. П. Обнорский (Обнорский, 1953, 23-32) приводит обширнейший материал, свидетельствующий и о наличии суффиксальных образований у глаголов, которые на современном этапе представлены только формой без -ну-: *Отвыкнул от вина...* Пушкин., Чаадаеву, 1821; *аравийские ученые... уже несколько привыкнули к точности и формальности*. Гог., Ал-Мамун; *все чувства, все побуждения, все силы в них погибли, кроме одного страха*. Гог., Выбранные места...; *он уже не увидал Улиньки: она исчезнула*. Гог., Мертвые души II; *Исчезнул он, веселый сон*. Пушкин., Пробуждение, 1816, а также о существовании параллельного употребления

вариантов: *виснул и вис, гас и гаснул, вяз - вязнул и др.*; ср.: *Погаснул день! И тьма ночная своды Небесные как саваном покрыла...* (Лермонтов, Смерть) или *Угас, как светоч, дивный гений, Увял торжественный венок...* (Лермонтов, Смерть поэта). При этом можно отметить преобладание форм с суффиксом *-ну-*, например, в стихотворной речи XIX века: воскреснули (Жуковский), достигнул (Пушкин), замолкнул (В.Майков), исчезнули (Баратынский), померкнул (Пушкин), постигнул (Баратынский) и т. д. Впрочем, и в современной поэзии иногда встречаются колебания форм с *-ну-* и без; ср. у Твардовского: *Я к трубке приникнул – не часто такое, - и слышу: - простите, что вас беспокою...* (Московское утро), *И этот полушутливый, Из глаз ушедший через миг, Тоской безмолвного порыва Мне в сердце самое проник* (За далью даль). И хотя некоторые исследователи объясняют это колебание спецификой стихотворной речи, например, Л. К.Граудина отмечает, что «...в стихотворной речи под давлением размера и в наши дни используются суффиксальные варианты» (Граудина, 1976, 84), причина, по справедливому замечанию С. П.Обнорского, состоит в том, что перед нами живое «развивающееся явление» (Обнорский, 1953, 32), требующее подробного исторического исследования.

Достаточно длительная конкурентная борьба между «старой» и «новой» нормой, начавшаяся еще в XVIII веке (*вязла – вязнула, меркла – меркнула, сохла - сохнула*), когда формы признавались равноправными, длится и по сей день. Следует отметить, что формы без *-ну-* издавна были свойственны разговорной речи, а формы с *-ну-*, наоборот, - старой книжной традиции. Причины сдвига нормы: от суффиксального к бессуффиксальному образованию форм - в современной науке трактуются также весьма своеобразно. Так, Горбачевич К. С. видит в этом «действие общего закона экономии»: *мокнул – мок*, а сохранение суффиксальных образований в некоторых случаях объясняет «неудобством произношения»: *гиб – гибнул*. Граудина Л.К. считает, что это причина психологического происхождения: двусложные формы многим кажутся более благозвучными, чем отрывистые односложные формы, особенно у приставочных глаголов. Л. П.Катлинская замечает, что «Выпадение суффикса в большинстве форм парадигмы данных глаголов вызывается его функциональной ненагруженностью...» (Граудина, 1976, 153), по ее мнению в группе приставочных глаголов вытеснение вариантов практически закончилось: нормой признается бессуффиксная форма. На наш взгляд, однозначного определения быть не может в силу разнородного характера самих глаголов, входящих в данную группу. В данном случае только подробный анализ вариантных форм каждого глагола с момента их появления до процесса устранения нежелательного параллелизма позволит сделать выводы и, возможно, определить перспективы.

Таким образом, на современном этапе следовать рекомендациям словарей довольно-таки сложно, можно говорить о полном смешении и несовпадении общественных оценок в определении нормы для вариантов различных глаголов в языке. По всей видимости, это связано с тем, что, как писал Ф.П.Филин, «...без познания законов движения языка, его истории невозможно всесторонне понять его современное состояние, его тенденции развития в настоящее время» (Филин, 1981, 11). Учитывая тот факт, что «...грамматическая и лексическая системы обнаруживают в своем развитии многие точки соприкосновения, многие черты исторически обусловленного сходства...» (Марков, 1981, 3) подобные трансформации семантических значений и грамматического оформления в языке очевидны и закономерны, более того свидетельствуют о совершенствовании языка в коммуникативных целях. На наш взгляд, в практике преподавания русского языка как иностранного преподавателю стоит обратить внимание на весь спектр форм той или иной

части речи, изучить рекомендации относительно употребления двойных параллелей при коммуникации, выработать свой индивидуальный принцип отбора вариативных форм и с опорой на историю развития данных форм в языке вводить данный материал на занятиях.

Использованная литература / References

- ГОРБАЧЕВИЧ, К. С. (1971): *Изменение норм русского литературного языка*. Ленинград: Просвещение, 1971. 270 с.
- ГРАУДИНА, Л. К., ИЦКОВИЧ, Л. К., КАТЛИНСКАЯ, Л. П. (1976): *Грамматическая правильность русской речи (опыт частотно-стилистического словаря вариантов)*. Москва: Наука, 1976. 456 с.
- ДАЛЬ, В. И. (1989): *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва: Русский язык, 1989. В 4-х т.
- ИСТРИНА, Е. И. (1948): *Норма русского литературного языка и культура речи*. Москва - Ленинград: АН СССР, 1948. 156 с.
- МАРКОВ, В. М. (1977): *Проблема грамматической лексикологии и русский литературный язык XVIII в.* In Очерки грамматики и лексикологии русского языка. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1977. С.119-131.
- МАРКОВ, В. М. (1981): *О семантическом способе словообразования в русском языке*. Ижевск, 1981. 29 с.
- ОБНОРСКИЙ, С. П. (1953): *Очерки по морфологии русского глагола*. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1953. 252 с.
- ОЖЕГОВ, С. И. *Толковый словарь русского языка*: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/> (Дата обращения 12.04.2016).
- ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, А. Г. (1959): *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959. Т. 1. 674 с.; Т.2. 416 с.
- СЛОВАРЬ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наукъ. – 1789 -1822 гг.
- СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА XI-XVII ВВ. (1975). Москва: Наука, 1975.
- ФАСМЕР, М.(2003): *Этимологический словарь русского языка*. В 4 т. Москва: Астрель АСТ, 2003. Т.1. 588 с. ISBN 5-17-016833-0 ((Т.1)).
- ФИЛИН, Ф. П. (1981): *Истоки и судьбы русского литературного языка*. Москва: Наука, 1981. 327 с.
- ЩЕРБА, Л. В. (1958): *Избранные труды по языкознанию и фонетике*. Т. 1. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1958. 184 с.

Профиль автора:

Елена Колосова, кандидат филологических наук, доцент

Научные интересы: русский как иностранный, межкультурная коммуникация, грамматика русского языка.

hkolosova@yandex.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого,
кафедра русского языка и прикладной лингвистики
Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
420008

About the author:

Elena Kolosova, Ph.D. in Philology, Associate Professor

Research interests: Russian as a foreign language, Intercultural Communication, Russian Grammar.

hkolosova@yandex.ru

Kazan (Volga Region) Federal University, Leo Tolstoy Institute of Philology and Intercultural Communication, The Higher School of Russian and Foreign Philology, The Department of Russian Language and Applied Linguistics

18 Kremlyovskaya St.,

Kazan, 420008, Russian Federation